

РЕФОРМЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ И ЦЕЛЯХ ЭКСПЕРТНЫХ ДИСКУССИЙ

ОТВЕТ НА РЕЦЕНЗИЮ ВИКТОРИИ ШМИДТ

Мэри Маколи

Я благодарна редакции за предоставленную мне возможность ответить на рецензию Виктории Шмидт. Однако я поставлена в затруднительное положение. Рецензия настолько враждебна (ничто в моей книге не было удостоено положительной оценки), что и не знаю, с чего начать. Еще более серьезная трудность заключается в том, что я совершенно не узнаю приписываемых мне рецензентом позиции и аргументов. Если бы Шмидт хотя бы вкратце изложила задачи книги, задаваемые в ней вопросы и методы, выбранные для поиска ответов (объясняя тем самым ее структуру), то, вероятно, некоторые из ее критических замечаний отпали бы сами собой, а другие положения оказались оправданными.

Предоставляю читателям книги судить об ее прочтении Шмидт. Но, возможно, и другие читатели разделяют ее интерпретацию? В таком случае я недостаточно ясно выразила свои мысли. Поэтому лучшим ответом, быть может, станет краткое изложение содержания книги, как оно мне представляется.

«ДЕТИ В ТЮРЬМЕ»

Прежде всего, для кого она была написана? Нет, я не обращаюсь к «самому топу политической власти», что и подчеркиваю во введении: «Моя цель — представить информацию и идеи, которые могут быть полезны как реформаторам и тем, кого требуется убедить, так и тем, кто никогда не задумывался над этими вопросами. Она рассчитана на политиков, профессионалов, журналистов и широкий круг читателей» (Маколи 2008: 25). Предположение, будто я обращаюсь к президенту или выступаю как иностранный эксперт, надеющийся оказать влияние на тех, кто отвечает за социальную политику, — абсурд. Как и говорится в заключении, это мой вклад в более широкую дискуссию, которая должна предшествовать любой законодательной инициативе. Недостаток книги, по-моему, в том, что она слишком суха, слишком академична, чтобы привлечь широкую аудиторию. Я хотела написать научно-популярную книгу, но, увы, получилась пусть полемичная, но ученая попытка найти способ борьбы с девиантным поведением детей иначе, чем при помощи лишения свободы.

Итак, как я попыталась это сделать? «Мой первоначальный вопрос — почему в России по-прежнему так много несовершеннолетних заключенных? — привел меня к необходимости рассмотреть политику по отношению к малолетним преступникам в России в XX веке и сегодня. Отношение к преступлению и наказанию, роль государства, система уголовного правосудия и роль общества оказываются важны. И для того чтобы понять особенности российской системы, пришлось поставить Россию в сравнительный контекст. В конце концов, чем именно отличается Россия?»

Второй и более важный вопрос. *Как можно изменить существующую систему — и в каких направлениях, — чтобы меньше подростков оказывалось за решеткой?* Чтобы ответить на этот вопрос, надо не-

сколько сместить акценты. Каким образом в других обществах лишение свободы стало крайней мерой? Есть ли способы, которые может использовать российское правительство и общество, чтобы достичь этого? Чтобы ответить, мы должны рассмотреть как сравнительный опыт, так и специфические особенности российской среды» (Маколи 2008: 23–24).

Именно эти проблемы мне было необходимо изучить. Они же определили структуру моей книги, в которой по очереди обсуждаются:

- системы уголовной юстиции как попытки осуществить надзор над девиантным поведением;
- возникновение реформаторских движений, опирающихся на новое видение ребенка, государства и ответственности общества перед детьми (идея социального обеспечения — составная часть «велферистской» философии);
- ювенальная юстиция в России на протяжении XX века;
- сформировавшиеся к концу столетия новые подходы к ювенальной преступности;
- медленный темп реформ в нынешней России и его причины;
- сравнение успешных стратегий по минимизации лишения свободы (этим определился мой выбор Германии, Италии и Финляндии) со стратегиями, предложенными российскими реформаторами.

Опираясь на результаты моего исследования, я представляю свои соображения о стратегии реформ.

Шмидт пишет, что «автор представляет свое виденье проблемы ювенальной юстиции — это виденье основывается на предыдущих исследованиях Мэри Маколи, в том числе на придании значимой роли личности в истории». Я не знаю, о каких предыдущих исследованиях идет речь, и впервые слышу, чтобы я подчеркивала роль личности в истории. Безусловно, я считаю, что личности могут играть роль в истории, и в России были времена, когда это было. Однако я всегда отстаивала позицию, что для понимания политических процессов (будь то разработка политики или ее осуществление) необходимо обращать внимание на *взаимоотношения* между структурами государства (и их сотрудниками всех уровней), экономическими и социальными акторами, культурным и идеологическим контекстом. В обсуждаемой книге я впервые обратилась к области, где центральную роль играет уголовная юстиция, и потому ключевое место в моем исследовании занимают ее отношения с государством и обществом.

«Государство — основной актор социальной политики, и государство должно взять на себя ответственность — таков основной посыл книги Маколи». Да, я рассматриваю государство (точнее — *правительство*) как ключевого актора, ведь политику, будь то социальная или внешняя политика, определяют правительства. И я считаю, что правительство обязано обеспечить присмотр за беспризорниками, брошенными и детьми в группе риска в тех случаях, когда с этой задачей не справляются семья или общество. Понятно, что главный вопрос в том, кто и как влияет на правительство, как взаимодействуют между собой правительственные, судебные, муниципальные структуры, благотворительные и другие негосударственные организации, насколько и в каких формах общество принимает участие в разработке и осуществлении политики. Именно этот комплекс факторов — применительно к вопросу о заключении детей в исторической и сравнительной перспективе — должен был стать предметом моего исследования, прежде чем я могла давать какие-либо рекомендации.

Шмидт продолжает: «Маколи отмечает, что, несмотря на усилия общественных организаций в современный период, задача интеграции подростков не может быть решена силами некоммерческого сектора. Обществу, в первую очередь, отводится роль того, чей голос должен быть услышан». Ничего подобного я не утверждала. Напротив, я пишу: «Значение независимого контроля и наблюдения, осуществляемого неправительственными структурами или независимыми, хотя и финансируемыми государством комиссиями нельзя переоценить» (Маколи 2008: 161). И далее: «Россия имеет традицию государственного социального обеспечения, которая определенно должна использоваться, но выборочно и с учетом современных дисфункциональных черт: слишком много учреждений желают контролировать жизнь детей, оставаясь свободными от общественного, государственного или правового контроля».

Сильная «государственная» традиция делает необходимость внесударственного контроля еще более необходимой. Примером является желание решить проблему малолетней преступности способом заклю-

чения большего числа маленьких детей в государственные учреждения, над которым отсутствует внешний, независимый контроль. Одновременно заметно нежелание со стороны государственных властей на федеральном или местном уровне поддерживать или даже просто терпеть активные общественные организации, которые выступают с критикой. На всех стадиях (задержание милицией, помещение в специальные школы, приговор к заключению и затем освобождение) ребенок в любом обществе нуждается в защитнике или опекуне» (Маколи 2008: 162).

Наконец, опираясь на результаты исследования, я пытаюсь идентифицировать ресурсы, которыми можно воспользоваться при попытке минимизировать лишение свободы. К ним относятся: активное сообщество неправительственных организаций, ориентация общественности и профессионалов на благополучие детей, а также, как это ни странно, сильная президентская власть. Без вмешательства президента не появится законодательство: восторжествует консерватизм правоохранительных органов. Однако, как я утверждаю в книге, «правильное» законодательство может возникнуть только в результате просвещенной дискуссии среди законотворцев, специалистов, профессионалов и неправительственных организаций (вклад которых в обсуждение этого вопроса превосходит все предложенное любым правительственным учреждением).

Предположение о том, что реформаторам понадобится поддержка президента, вряд ли может считаться оригинальным. Более дискуссионным станет мое заключение о том, что при всех недостатках российской традиции сильной исполнительной власти эту традицию иногда можно использовать для благих целей. Этот вывод меня удивил и не обрадовал, но именно таким стал результат моего исследования законотворчества в области ювенальной юстиции в России и других странах в прошлом и настоящем. Складывается картина паразитического волюнтаризма политиков. Иногда это идет на пользу детям, но чаще, вероятно, идет им во вред. Кстати, мало свидетельств тому, чтобы «демократическое» законотворчество шло им на пользу. Это неудобные выводы, и я рассмотрю их подробнее в сравнительном исследовании российской и английской политики в отношении малолетних правонарушителей.

Какова альтернатива? Ожидание, «низовая» работа, инициатива на местах, исследования и преподавание — в надежде постепенно изменить социальный ландшафт, пока не возникнет определенный уровень организованной профессиональной поддержки вкупе с готовой к подобным изменениям политической средой? Широкое распространение местных инициатив — обнадеживающий знак. Для их успеха крайне важна поддержка со стороны региональных властей — губернаторов или председателей судов. Однако с момента написания книги местные активисты стали усиленно пользоваться пробелами в федеральном законодательстве, приводя в жизнь новые подходы на региональном или городском уровнях. Быть может, в этом — более перспективная долгосрочная стратегия?

ОБРАЩЕНИЕ К ИСТОРИИ

Шмидт, по всей видимости, предполагает, будто я «знала» ответ на мой второй вопрос — «что делать?» — прежде, чем начала писать книгу. Она утверждает: «Автор использует обращение к истории для поиска доводов в пользу своей позиции — а именно побуждения государства к проведению реформы системы правосудия для подростков в сторону декриминализации». И продолжает: «Например, идея автора развивать профессиональные службы вместо общественных инициатив обосновывается тем, что концепция велферизма пустила глубокие корни в сознание специалистов, а общественные организации в России остаются формальными со времен реформ Хрущева».

Что я могу на это ответить? Не виновна! Я обращаюсь к истории, чтобы попытаться обнаружить: (а) как прошлое влияет на настоящее и (б) преподносит ли она нам уроки, позволяющие не повторять ошибок прошлого. Опасно игнорировать историю, особенно забытую и особенно в областях, подверженных циклическому изменению политики. Наиболее интересным открытием для меня стал контраст между учеными и судьями — реформаторами хрущевской эпохи и их консервативными или просто равнодушными коллегами в 1990-е годы. Это наблюдение привело меня к выводу, что наибольшее влияние на ход постсоветских пра-

вовых и институциональных реформ оказала консолидация государственного аппарата и судебной системы в стабильную, консервативную, бюрократическую иерархию в брежневский и постбрежневский период.

Возникают вопросы (их я не обсуждаю в книге). Правомерно ли искать источники многих сегодняшних социальных и политических проблем в 1937 году (и если да, то какой именно эффект имели события той эпохи?) — или для понимания процессов 1990-х годов и нынешнего десятилетия необходимо лучшее понимание «последнего советского поколения» (Yurchak 2005, Юрчак 2007)? Или, быть может, ответы на этот вопрос окажутся разными в разных сферах политики?

Я *нигде* не отстаиваю развития профессиональных служб вместо независимых общественных инициатив. Я утверждаю, что нужны и те, и другие. Одной из трагедий хрущевского подхода стало акцентирование внимания на псевдообщественных инициативах, призванных заменить государственные службы. В результате, с одной стороны, было заторможено развитие профессионализма, а с другой — дискредитирован социальный активизм.

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ СЕГОДНЯ

Похоже, что у нас с Викторией Шмидт разные взгляды на организацию и состояние ювенальной юстиции в сегодняшнем развитом мире. Это не удивительно: материя очень сложная. Карательные тенденции, наблюдаемые в США и некоторых европейских странах (но вряд ли в их большинстве), вызывают множество дискуссий (почему Шмидт все время использует странное слово «рестриктивный» вместо «карательный»?). К счастью, не существует «общепризнанной» точки зрения на проблемы и судьбу велферизма. Ученые и специалисты расходятся во взглядах на типологию соответствующих «моделей». Существует и мнение, что разговор о «моделях» скорее сбивает с толку, нежели проясняет ситуацию, поскольку системы ювенальной юстиции всегда гибридные. Именно поэтому один из крупных проектов, исследующих 34 страны (Dünkel forthcoming), столкнулся с серьезными трудностями при попытке распределить результаты по пяти моделям или типам: модели правосудия, велферистской модели, модели минимального вмешательства, модели восстановительной юстиции и неокоррекционной модели. Шмидт ссылается на другие типологии. Ради бога: это лишь подтверждает, что авторы сравнительных исследований приходят к различным выводам.

Новым, однако (если сравнивать речи, звучащие на любой международной научно-практической конференции, с теми, что мы слышали 30 лет назад) является *внимание к жертвам*. Отчасти это связано с подходом «восстановительной юстиции». Это главное новшество в мышлении о ювенальной преступности с момента появления «велферистской» философии сто лет тому назад. Поэтому позволю себе изложить здесь его основные черты для тех, кто никогда не прочтет мою книгу.

Радикализм этого подхода в том, что он подвергает сомнению политическую философию, лежащую в основе системы уголовной юстиции. В подобной системе (включая ее велферистские варианты) государство «перенимает» конфликт между двумя сторонами и «управляет» им вместо них с тем, чтобы защитить общественность, обличая и наказывая правонарушителя (а также реабилитируя и поддерживая его) и привлекая жертву к судебному разбирательству исключительно в роли свидетеля. Восстановительная же юстиция рассматривает «конфликт» как нечто, что должны разрешить сами стороны — обидчик и обиженный, возможно, при участии сообщества как беспристрастного посредника. Цель в том, чтобы заставить обидчика сознаться в содеянном, возместить ущерб и вернуться в лоно общества. «Государство» утрачивает роль в этом процессе. Предметом дискуссии становится вопрос о том, может ли восстановительная юстиция дополнить юстицию уголовную или они основаны на столь разных принципах, что оказываются несовместимыми¹.

К сожалению, забота о жертвах используется некоторыми политиками и для того, чтобы призывать к ужесточению наказания правонарушителей.

¹ В качестве введения в этот подход и его практическое применение в России рекомендую сборник (Максудов 2008). Наиболее интересная книга последних лет о подходах к преступности в более широком смысле: (Christie 2004), русский перевод: (Кристи 2006).

ЗАСЛУЖЕННАЯ КРИТИКА

В книге говорится об альтернативах заключению, но этому вопросу следовало уделить больше внимания, как и возможностям и значению профилактической работы с семьями, детьми в группе риска, реформе социальных служб и обширной теме пробации — подходу и термину, стремительно выходящему из моды во многих странах. Тем не менее я неоднократно подчеркиваю, что без реформы социальных служб и политики в отношении детей ограничение лишения свободы останется бессмысленным.

Шмидт права в том, что следовало прямо обратиться к вопросу патерналистского отношения к детям и связанных с ним преград на пути реформы ювенальной юстиции. Я не стала этого делать, потому что не имею однозначной позиции по этому вопросу. С одной стороны, поражающее западных наблюдателей патерналистски-покровительское отношение россиян к детям приводит к такой степени вмешательства и контроля, которая может нанести детям вред и грубо нарушает их права. С другой стороны, оно иногда оборачивается более снисходительным и мягким отношением к проступкам по сравнению с некоторыми другими обществами (в этом смысле Россия ближе к Италии, чем к Англии). Поэтому, хочется верить, оно может стать основой для более гуманной системы — при условии, что будут внедрены четкие меры предосторожности или противовесы навязчивому взрослому вмешательству. Как этого добиться, я не знаю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если бы Шмидт изложила свой взгляд на то, как провести реформы, лучше интегрирующие молодых правонарушителей в общество (наверняка такие реформы включили бы в себя меньшее применение лишения свободы), быть может, между нами смог бы состояться диалог. Сейчас, как мне кажется, мы говорим на разных языках.

Я продолжаю недоумевать по поводу враждебности рецензии. Вряд ли это может быть связано с тем, что я — западная исследовательница, пишущая о России (одна мысль об этом наводит на тоску). Быть может, рецензирование книг в российских и западных научных журналах — разные жанры?

Я совсем не уверена, заинтересует ли мой ответ рецензента или читателей журнала. Один из способов проверить это — посмотреть на то, как рецензенты в Англии отреагируют на мою попытку найти ответы на те же вопросы, но на примере заключения малолетних в Англии и Уэльсе. Другим способом могла бы стать публикация в «Laboratorium» рецензии российского ученого на блестящую книгу Светланы Сидоренко-Стивенсон о бездомности в России (Stephenson 2006). Еще лучше, если бы «Laboratorium» мог пригласить представителей разных научных сообществ (в России и за ее рубежом) к дискуссии о целях рецензирования.

Лондон, октябрь 2008 г.

Авторизованный перевод с англ. Михаила Габовича

БИБЛИОГРАФИЯ

Кристи, Нильс. 2006. *Приемлемое количество преступлений* / Пер. с англ. Е. Матерновской. СПб.: Алетейя.

Максудов, Р.Р. (сост.) 2008. *Восстановительная ювенальная юстиция в России*. М.: МОО «Центр судебной и правовой реформы».

Маколи, Мэри. 2008. *Дети в тюрьме*. М.: ОГИ.

Юрчак, Алексей. 2007. Поздний социализм и последнее советское поколение // *Неприкосновенный запас* 2(52): 81–97.

Christie, Nils. 2004. *A suitable amount of crime*. London: Routledge.

Dünkel, F., J. Grzywa, I. Pruin, (eds.). *Forthcoming. Juvenile Justice Systems in Europe—current situation, reform developments and good practices*. Mönchengladbach: Forum Verlag.

Stephenson, Svetlana. 2006. *Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia*. Aldershot: Ashgate.

Yurchak, Alexei. 2005. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press.